

Пазухин Алексей Михайлович

Злоба дня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Злоба дня / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 175 с.

ISBN 978-5-521-27067-5

ISBN 978-5-521-27067-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Бесѣда завязалась и мы не замѣчали какъ проходило время, какъ мелькали предъ нами станціи одна за другой.

— Ну, а если я умру,—ты гдѣ похоронишь меня? вдругъ прервала Лиза вопросомъ мою веселую болтовню о какомъ-то предметѣ.

Я похолодѣлъ отъ этого вопроса; мое сердце мучительно сжалось и заныло.

— Лиза! укоризненно сказалъ я. — Не грѣхъ ли тебѣ упоминать о смерти въ такую ночь, въ такую минуту? Тебѣ-ли, сегодня надѣвавшей вѣнецъ, думать о смерти?..

Лиза склонилась ко мнѣ головкой; горячая слезинка упала мнѣ на лицо.

— Прости меня, дорогой мой! Этотъ вопросъ невольно сорвался у меня съ языка... Мнѣ... мнѣ почему то думается, что я... умру, скоро умру!

Я, въ порывѣ страстнаго отчаянія, поднялся, схватилъ въ объятія мою Лизу и, покрывъ ея лицо поцѣлуями, невольно зарыдалъ.

— Лиза, дорогая моя Лиза!.. Что съ тобою? Зачѣмъ такія слова? Зачѣмъ такія мысли?.. Мы будемъ жить, будемъ счастливы!

Я хотѣлъ сѣсть на диванъ и посадить Лизу на колѣни, но отъ какого-то толчка пошатнулся и едва удержался на ногахъ. Вотъ еще толчекъ, болѣе сильный.

Вотъ какой-то трескъ... Среди глухой ночи пронесся чей то страшный, раздирающій душу вопль... Подъ нашими ногами полъ вагона заколебался, огонь въ фонаряхъ мгновенно потухъ,—и мы стали опускаться въ какую-то бездну...

Вотъ опять гдѣ то раздался вопль, еще сильнѣйшій, еще болѣе страшный...

По крышѣ вагона зарокотала глыбами падающая земля.

Въ вагонѣ стало темно, какъ въ гробѣ, и душно, какъ въ могилѣ.

Это пришла смерть.

Что случилось—я не зналъ, но я уже чувствовалъ дыханіе смерти.

Ощупавъ руками кругомъ себя, я узналъ, что вагонъ лежитъ бокомъ, ибо стѣнки его приходились подо мною. Вотъ моя Лиза. Она жива, тѣло ея тепло, грудь тяжело дышетъ.

— Лиза, Лиза! позвалъ я, но моя подруга молчала.

Я поднималъ ея голову и покрывалъ ее поцѣлуями.

— Лиза, жизнь моя!.. Что съ нами? Гдѣ мы? Отзовись, моя радость! шепталъ я.

— Мнѣ душно! Страшно душно! едва проговорила Лиза,— и я почувствовалъ, какъ забилося ея сердце подъ моей рукой. Поднявшись на ноги, я съ нечеловѣческой силой уперся руками и грудью въ стѣну вагона. Я чувствовалъ, какъ подались доски, онѣ затрещали подъ моими руками, но не шли дальше, ихъ держала земля.

— Мы похоронены!.. Мы живые въ землѣ! крикнулъ я, что было силы, но голосъ мой едва—едва былъ слышенъ. •

Въ могилѣ звуковъ не слышно.

Я опять склонился надъ Лизой. Она уже дышала тише, тѣло ея начало холодѣть.

— Лиза, Лиза! За что же это страшное несчастье?!. Вѣдь мы похоронены живыми! Мы въ могилѣ, моя Лиза!

Моя подруга молчала.

Я упалъ головой на ея грудь и зарыдалъ, зарыдалъ безъ слезъ.

Повѣяло холодомъ могилы; я чувствовалъ какъ спиралось мое дыханіе, какъ давило мнѣ грудь; легкія мои готовы были разорваться.

А воздуху становилось все менѣе и менѣе. Холодъ земли началъ леденить кровь.

— Воздуху!.. Воздуху! прошептала Лиза и метнулась.

Я опять наклонился надъ нею. Она была совершенно холодна. Жизнь оставляла ее.

— Тутъ... надъ нами окна... Разбей ихъ... Воздухъ... прошептала она.

Я вскочилъ и, вытянувъ руки, нащупалъ надъ собою стекла оконъ. Вотъ онѣ разбиты, я чувствую это по своимъ изрѣзаннымъ, рукамъ, по горячимъ струйкамъ крови, которые потекли у меня по ладонямъ, изрѣзаннымъ стеклами.

Да, стекла разбиты, но ни одной струи воздуха не проникло въ нихъ. Въмѣсто воздуха въ окно начало проникать нѣчто страшное. Жидкая, холодная грязь полилась въ разбитыя окна.

Все кончено. Смерть подходитъ быстрыми шагами.

Прощай, все прощай!...

Ноги мои подкосились, силы оставили меня,—и я упалъ на похолодѣвшее уже тѣло моей Лизы.

Струи жидкой грязи хлынули съ болѣею силою... Вотъ она, эта странная грязь, начала давить грудь, коснулось лица...

Я въ порывѣ предсмертной тоски, страшнаго отчаянія крикнулъ и... проснулся.

Лучи яркаго лѣтняго солнца свѣтили въ окно вагона; поѣздъ быстро мчался мимо мелькающихъ деревьевъ, лѣсовъ, полей, покрытыхъ скирдами только что сжатаго хлѣба.

Моя милая молодая жена крѣпко спала; на розовомъ личикѣ ея играла радостная улыбка.

Я глубоко, глубоко вздохнулъ и поблагодарилъ Бога, что это былъ только страшный, тяжелый сонъ, навѣянный воспоминаніями о недавней катастрофѣ на этой самой дорогѣ.

Раздался свистокъ. Поѣздъ подходилъ къ Курску,—и я страстнымъ поцѣлуемъ разбудилъ мою милую женку.

А я, слышавшій приведенный рассказъ отъ пріятеля, отъ души желаю читателямъ не испытывать ничего подобнаго,—и ставлю точку.

На что пригодны тещи

(ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ).

Редакція убогаго журнальчика.

За письменнымъ столомъ сидитъ пасмурный редакторъ и беспощадно грызетъ карандашъ, что-то обдумывая. У конторки стоитъ секретарь редакціи, прочитывая письма и перекидываясь съ сидящими на диванѣ двумя сотрудниками отрывочными фразами.

— Фу ты, чертъ! восклицаетъ редакторъ, бросая карандашъ,—сижу, сижу, не единой мысли не лѣзетъ въ голову; а во чтобы то ни стало нужно написать фельетонъ къ этому номеру; сейчасъ изъ типографіи за оригиналомъ придутъ!...

— А Солянскій-то что-же не доставилъ, Петръ Иванычъ? спрашиваетъ одинъ изъ сотрудниковъ.

Редакторъ злобно кусаетъ ногти.

— Чертъ-бы его взялъ, разбойника, корыстолюбца проклятаго!... Посылаю вчера къ нему за фельетономъ, а онъ пишетъ вмѣсто него письмо дерзкое, денегъ просить... Я ему толкомъ говорю, что на той недѣлѣ уплачу; такъ нѣтъ—сейчасъ давай!... Неблагодарные!...

— Вѣдь нужны деньги-то, Петръ Иванычъ,—замѣчаетъ другой сотрудникъ.

— А мнѣ не нужны? Мнѣ не нужны? оборачивается къ нему редакторъ.— Мнѣ еще нужнѣй; да я терплю-сь, жду!.. Ко мнѣ и сотрудники идутъ, и наборщики идутъ, и за бумагу денегъ просятъ, и чертъ и дьяволъ денегъ просить!..

— Вотъ и я хотѣлъ попросить рубликовъ хоть десять; очень бы нужно, не смѣло заявляетъ одинъ изъ сотрудниковъ.

Редакторъ наклоняется къ столу.

— Ссудите что ли, Петръ Ивановичъ?

— Нѣтъ у меня-сь.

— Да вѣдь нужно... Хоть пять рублей отдайте.

— Нѣтъ у меня-сь.

— Когда же будутъ-то, Петръ Ивановичъ?

Редакторъ хранитъ гробовое молчаніе.

— Вчера Петровъ приходилъ, просилъ за повѣсть гонораръ; говоритъ, что жаловаться будетъ, печально сообщаетъ секретарь.

— Сколько ему нужно, подлецу? спрашиваетъ редакторъ.

— Сорокъ рублей.

— Ахъ, чертъ его возми!.. Предложите ему изданіями нашими...

— Предлагалъ не беретъ; куда говорить, мнѣ ихъ; мнѣ, говорить, ѣсть нечего...

— Гмъ... Я ему пожалуй дамъ записку въ трактиръ Спасово, тамъ у меня кредитъ... Возьметъ?

— Напишите, я предложу.

— Уговорите его, разбойника... Александръ Михайловичъ, напишите, родной, фельетончикъ, выручите изъ бѣды! обращается редакторъ къ сотруднику, просившему денегъ.

— Господь съ вами, какой я фельетонистъ!.. Я во всю жизнь, кромѣ вырѣзокъ изъ газетъ, ничѣмъ не занимался...

— Попробуйте, голубчикъ, авось напишете... Я вамъ по шести копѣекъ со строки заплачу...

— Да не могу-съ, помилуйте!

— Да вѣдь просто! Вотъ, молъ, и лѣто началось, а погоды нѣтъ и не было; дачники, молъ, скучаютъ, и въ этомъ родѣ чтонибудь...

— Нѣтъ, не могу, Петръ Ивановичъ.

— Ахъ, чертъ вочьми!.. Что же мнѣ дѣлать-то, а?

— Объявить, что по неявившимъ отъ редакціи обстоятельствамъ фельетонъ напечатанъ быть не могъ, посоветовать секретарь.

— А мѣсто то чѣмъ мы наполнимъ? Мѣсто то чѣмъ наполнимъ?

— Нда, и это правда... перепечатать чтонибудь нужно; не можемъ же не познакомить публику съ превосходной статьей, да цѣликомъ ее и хватить...

— Да, такъ и нужно. Поищите-ка, Василій Васильевичъ, чегонибудь да вырѣжьте. Съ будущаго номера научный отдѣлъ открою и буду въ немъ печатать приготовленіе кушаньевъ по новому способу; и дешево и сердито...

Редакторъ хотѣлъ еще что-то сказать, но дверь въ редакцію отворилась, и вошла дама, полная, среднихъ лѣтъ и очень внушительнаго вида.

— Здѣсь редакция «Усидчивой Мухи?» спросила она.

— Здѣсь, сударыня... Вамъ угодно подписаться на журналъ? любезно спросилъ редакторъ.

— Нѣтъ. Гдѣ я могу видѣть редактора?

— Къ вашимъ услугамъ, я самый-съ. Чѣмъ могу быть по-

лезенъ? Не статью ли вы принесли? Для фельетона нѣтъ ли чего?

— Какой тамъ фельетонъ!.. Я пришла получить по счету Аркашина; онъ у васъ очерки писалъ, и ему слѣдуетъ тридцать пять рублей... Вотъ его счетъ и довѣренность; позвольте получить, я его теща...

Редакторъ присѣлъ и какъ-то съежился; секретарь спокойно сталъ теревить бороду.

— Да, да, хорошо, хорошо... Господинъ Аркашинъ? Да, да.... Гм.... Вы его теща? А-а!... Онъ теперь въ Казани?... Хорошо, хорошо.... обратился редакторъ къ секретарю, — объяснитесь съ тещей господина Аркашина, а я...

— Нѣтъ ужъ вы сами, Петръ Ивановичъ, мнѣ некогда-съ.... Я тово-съ....

Секретарь проворно исчезъ.

— Вы тово, денегъ? заговорилъ редакторъ, тоскливымъ взглядомъ проводивъ секретаря. — Да, конечно, деньги знаете.... Вы завтра пожалуйста....

— Нѣтъ ужъ извините, мнѣ завтра некогда, ужъ вы сегодня.... Это знаете, я вамъ скажу, такъ дѣлать не хорошо! Вы моего зятя завтраками-то три мѣсяца кормили!... Позвольте деньги, иначе я не уйду отсюда.

Теща сѣла на диванъ.

— Да я, знаете....

— Ничего я не знаю и знать не хочу, а хочу только деньги получить!... Вѣдь это гадко, милостивый государь, низко! Вы заставляете работать и не платите! Деньги позвольте мнѣ, сію-же минуту деньги, или я....

— Сударыня....

— Я ничего не знаю, ничего не слышу я слышать не хочу, — позвольтѣ мнѣ деньги!

— Да я васъ прошу завтра....

— Сегодня давайте! крикнула теща. Я не вѣрю въ это «завтра», знаю я его.... У васъ есть деньги на все, нѣтъ только на уплату долговъ! Мой зять живетъ въ Казани безъ гроша, у него пятеро дѣтей, жена; а вы тутъ и знать ниче-

го не хотите!... Позвольте мнѣ сію-же минуту деньги, милостивый государь! Сію-же минуту! Я знать ничего не хочу, деньги мнѣ!

— Вы однако тово, вы не кричите....

— Что-о-о? поднялась теща съ мѣста.—Что вы сказали? Что-о такое?

Редакторъ понятился.

— Не кричать? Вы приказывали мнѣ не кричать? Мнѣ, несчастной матери сидящей голодомъ дочери? Мнѣ не кричать?... Ахъ, вы, мерзкій человѣкъ!... Я буду кричать на улицѣ, на площадяхъ!... Я къ губернатору пойду, къ начальнику главнаго управленія пойду, къ министру пойду!... Деньги мнѣ, варваръ, кровопійца, вампиръ, извергъ!...

— Да, я....

— Слышать пичего не хочу!

— Вѣдь я....

— Деньги мнѣ!... Какъ вы смѣли сказать мнѣ, чтобъ я не кричала? Какъ только вы смѣли?...

— Сударыня, выслушайте меня....

— Не хочу, ничего не хочу!... Вы эксплуататоръ, плантаторъ!...

— Позвольте счетъ, я уплачу вамъ!.... Господи, вотъ бѣда-то!...

— А, бѣда! А не бѣда безъ гроша сидѣть? не бѣда даромъ работать?... Ну, давайте деньги!...

— Вотъ, извольте..., Это.... это деньги, приготовленные въ типографію; безъ нихъ не выпустятъ номеръ.... Вы погубили меня, сударыня!...

— А вы испортили мнѣ кровь и на цѣлую недѣлю потрясли мои нервы!... Я слабая женщина, съ слабымъ здоровьемъ, милостивый государь!...

Теща взяла деньги, расписалась въ полученіи и гордо вышла изъ редакціи, не удостоивъ поклономъ пришибленнаго Петра Ивановича.

— Вотъ онѣ, тещи-то! вздохнулъ идинъ изъ сотрудниковъ.

— Всѣ ихъ ругаютъ, а вотъ подь часъ какую услугу теща-то окажетъ!

— Да, теща, посланная на подобную миссію, исполнить ее! согласился другой сотрудникъ и тоже глубоко вздохнулъ.

Тайна на днѣ Москвы-рѣки.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Только что пришелъ пассажирскій поѣздъ изъ Ярославля.

Въ числѣ довольно многочисленныхъ пассажировъ, вышедшихъ изъ вагоновъ на платформу, была молодая дѣвушка замѣчательно хорошенькая собою. Одѣтая скромно, но съ большимъ вкусомъ, граціозная, изящная, она обращала на себя всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что прекрасное лицо ея носило на себѣ отпечатокъ какой-то тяжелой грусти, а на дивныхъ темно-карихъ глазахъ поминутно показывались слезы, тщетно сдерживаемыя. Дѣвушка плакала и во время всей дороги.

На предложенія посыльныхъ отъ различныхъ гостинницъ, выхваляющихъ на перебой свои номера и прочія удобства, дѣвушка не отвѣчала, а прямо подошла къ извозчикамъ и стала нанимать одного изъ нихъ за Петровско-Разумовское, въ Разумовскіе выселки. Сторговавшись, она стала садиться въ пролетку.

— Багажа съ вами, сударыня, нѣтъ? спросилъ извозчикъ.

— Нѣтъ; поѣзжай, только, пожалуйста поскорѣй, я тебѣ прибавлю на чай, если скоро поѣдешь...

Извозчикъ подобралъ возжи.

— Стой, стой, извозчикъ! раздался сзади чей-то голосъ, и къ пролеткѣ подошелъ молодой человѣкъ, тоже только что пріѣхавшій.

— Гдѣ вы остановитесь, Марья Григорьевна? спросилъ онъ дѣвушку, болѣе чѣмъ съ участіемъ, вглядываясь въ ея прекрасные полные грусти глаза.

— Я... Не знаю... Я мало знакома съ Москвой, отвѣтила дѣвушка.

— У васъ здѣсь, ни родныхъ, ни знакомыхъ? снова спросилъ молодой человѣкъ.

— Да... нѣтъ... Впрочемъ, я ѣду теперь къ одному... къ одной своей знакомой, на дачу въ Петровско-Разумовское... прощайте, Калининъ, я тороплюсь...

— Мы увидимся въ Москвѣ, Марья Григорьевна?

— Можетъ-быть, не знаю... Прощайте! Поѣзжай, извозчикъ!

Дѣвушка пожала руку молодого человѣка, и пролетка быстро покатила по Домниковской улицѣ.

Къ оставшемуся молодому человѣку подошелъ какой-то баринъ.

— Это ваша знакомая? спросилъ онъ.

— Да, а что?

— Очень странная особа!.. Я ѣхалъ съ нею въ одномъ вагонѣ отъ самаго Ярославля, и положительно всю дорогу она плакала! Это заинтересовало всѣхъ пассажировъ... У ней какое-нибудь горе?

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Вѣроятно, но я тоже ничего не знаю... Она живетъ въ Ярославлѣ недавно; пріѣхала она туда съ какимъ-то господиномъ,—только не съ мужемъ, потому что она записана дѣвицей Марьей Григорьевной Шириной,—родила тамъ, и скоро баринъ этотъ куда-то уѣхалъ, а она съ ребенкомъ жила одна, пробавляясь грошевыми уроками... Ухаживало за ней множество всевозможныхъ франтовъ, но она была болѣе, чѣмъ недоступна, и ее оставили въ покоѣ... Она умная очень дѣвушка, я давалъ съ нею уроки въ одномъ домѣ и познакомился тамъ. Вѣроятно, какая-нибудь тайна...

— Да, что-нибудь есть такое... Всего вѣроятнѣе, что она обманута и покинута какимъ-нибудь негодяемъ... А прехорошенькая!

— Да, красавица.

Разговаривающіе раскланялись и разошлись въ разныя стороны.

II.

Въ небольшой комнаткѣ дачнаго домика за Петровско-Разумовскимъ, утромъ отличнаго іюньскаго дня, сидѣли два молодыхъ человѣка и пили чай, прибавляя въ него достаточное количество рому.

Одинъ изъ молодыхъ людей, хозяинъ комнаты, былъ очень красивый брюнетъ, лѣтъ 25-ти; выразительные черные глаза его смотрѣли изъ-подъ рѣзко очерченныхъ бровей твердымъ холоднымъ блескомъ, напоминающимъ блескъ стали; глаза эти могли нравиться только тогда, когда имъ искусственно придавалось доброе, ласковое выраженіе, обыкновенно-же они производили непріятное, отталкивающее впечатлѣніе; но впрочемъ, при правильномъ овалѣ лица, при густыхъ волнистыхъ и черныхъ волосахъ, при красивомъ ростѣ—молодой человѣкъ могъ очень нравиться и съ этими холодными, жесткими, но все-же красивыми глазами.

Собесѣдникъ брюнета былъ невзрачный, маленькаго роста, тощій блондинъ, добродушнаго вида, одѣтый въ блузу изъ небѣленаго полотна и такіе-же панталоны, заправленные въ простые сапоги до колѣнъ. На брюнетѣ была тоже надѣта блуза, но изъ тонкой дорогой матеріи и изящно сшитая; на ногахъ были красивые лакированные башмаки.

— Вотъ наслажденіе, Иванъ Николаевичъ, такъ наслажденіе! говорилъ блондинъ, съ удовольствіемъ потягивая дешевую сигару и попивая чай.—Чай съ ромомъ, сигара, воздухъ упоительный—шикъ!

— Ну, это еще не великъ шикъ, мой милѣйшій! улыбнулся брюнетъ. Вотъ какъ женимся мы, да получимъ чистоганомъ двадцать тысячъ рубликовъ—тогда поживемъ! Тогда я угощу тебя сигарочкой не такой, а настоящей гаваной...

— Неужели ты двадцать тысячъ берешь, Иванъ Николаевичъ? спросилъ блондинъ.

— Чистоганомъ и домикъ на Бронной.

— Счастливецъ! А хорошенькая невѣста?